

Новонайденный список второго тома "Мертвых душ" Гоголя

В 1855 году после смерти попечителя Гимназии высших наук, Физико-математического и Юридического лицеев Александра Григорьевича Кушелева-Безбородко эту должность принял от отца его старший сын Григорий Александрович, который после окончания Александровского лицея (1850 г.) поступил на государственную службу в канцелярию Комитета министров в чине титулярного советника и дослужился до действительного статского советника.

Став почетным попечителем Юридического лицея князя Безбородко, Г.А.Кушелев-Безбородко сделал несколько пожертвований нежинскому учебному заведению. Он заказал петербургским художникам написать портреты масляными красками. Это были 3 копии портретов: А.Г.Кушелева-Безбородко художника Крюгера, Н.В.Гоголя – худ. Ф.Моллера, Н.В.Кукольника – худ. К.Брюллова, а также оригинальный портрет Е.П.Гребенки, написанный выпускником Нежинской гимназии академиком живописи А.Мокрицким.

Кроме этого, Г.А.Кушелев-Безбородко в 1858 г. купил у родственников и знакомых Н.Гоголя для лицейской библиотеки рукописи писателя: "Мертвые души" (I т.), и наброски к поэме, "Тарас Бульба" (две редакции с правками автора), "Портрет", "Игроки", "Тяжба", "Лакейская", "Театральный разъезд", а также 32 письма, адресованных Н.Я.Прокоповичу. За все это граф заплатил 1200 руб. [1].

В библиотеку поступали рукописи Н.Гоголя и позже. Так, комедию "Дядька в затруднительном положении", переведенную с итальянского языка Н.Гоголем и другими представителями русских, проживавших в Италии, для бенефиса М.Щепкина, подарил известный библиограф С.И.Пономарев, который некоторое время работал в библиотеке Историко-филологического института кн.Безбородко [2].

24 письма и 2 небольших записки Н.Гоголя к М.А.Максимовичу были приобретены руководством института у вдовы ученого в 1875 году [3].

В 1900 г. в Москве вышла книга "Описание рукописей библиотеки Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине", составленная под редакцией профессора М.Сперанского. Окончание "Описания..." было напечатано в Нежине в 1901 г. [4]. Среди многих уникальных рукописей XVI–XVIII веков, обозначенных в I части "Описа-

ния..." на стр. 99–106, в этой же части значатся и рукописи Н.Гоголя под порядковыми номерами:

№58. Дядька в затруднительном положении, комедия, перевод с итальянского.

№59. Рукопись Н.В.Гоголя. Мертвые души. I том. 394 страницы, переписанные рукой Анненкова под диктовку Н.Гоголя в Риме. В тексте рукописи имеются исправления Н.Гоголя, дополнения на полях. Здесь же обозначены и собственноручные черновые наброски автора к I тому "Мертвых душ" (11 листов).

№60. Рукопись Н.В.Гоголя. Портрет. Это переписанная набело редакция повести на 54 четверках бумаги с авторскими исправлениями некоторых страниц.

№61. Рукопись Н.В.Гоголя. Игроки и Театральный разъезд на 21 странице. Это собственноручно переписанные автором его произведения, которые приготовлены для переписи писцом "по примеру прочих, разгонисто и четко, чтобы цензор мог прочесть удобно". Как замечает М.Сперанский, почерк автора очень мелок, уборист и разборчив.

№62. Письма Гоголя к Прокоповичу. 32 письма на 52 листах. Очевидно, эти письма Г.А.Кушелев-Безбородко купил по совету Н.Гербеля у вдовы Н.Я.Прокоповича, который умер в 1857 году. Н.Гербель написал большую статью о связях Н.Гоголя со своим гимназическим другом, а также первым редактором сочинений писателя. Эти письма Н.Гоголя были описаны и опубликованы профессором Е.В.Петуховым в "Известиях Института кн.Безбородко в Нежине" [5].

№63. Письма Гоголя к Максимовичу. 24 письма и 2 небольших записки Н.В.Гоголя к М.А.Максимовичу. На некоторых письмах имеются пометки проф. М.А.Максимовича, которые уточняют время пребывания у него Гоголя, фамилии тех, о ком идет речь в письме, и т.п. [6].

№64. Рукопись Н.В.Гоголя. Тарас Бульба. Это подготовленная к изданию повесть в 10 тетрадках, к которым присоединены еще 2 тетрадки гоголевских набросков: одна – к повести "Тарас Бульба", вторая – черновой набросок к I тому "Мертвых душ".

№65. Рукопись Н.В.Гоголя. Тяжба и Лакейская. Это одна тетрадь, в которой на 1–10 листах располагается "Тяжба", а от 10 до 19 – записан текст "Лакейской".

Все рукописи были переплетены в темно-синий, темно-зеленый, красный или коричневый переплеты с золотым тиснением названий произведений Н.Гоголя.

В 1902 году в связи с 50-летием со дня смерти Н.Гоголя в Историко-филологическом институте кн. Безбородко в Нежине проходило торжественное чествование писателя. На здании бывшей Гимназии была открыта мемориальная доска, а также организована выставка, включавшая в себя материалы о жизни и творчестве известного выпускника Нежинской высшей школы. Среди 9 ее разделов отдельно в 4-м значатся "Автографы Гоголя". Здесь были выставлены все рукописные материалы, представленные выше под номерами 58–65, фотоснимок первой страницы классного сочинения Гоголя (1827–1828 гг.) "В какое время делаются славяне известны по истории, где и когда и какими деяниями они себя прославили до поселения своего, и какое их было поселение", отзыв на него проф. К.Моисеева, фототипический снимок письма Н.Гоголя из Нежина к Г.Высоцкому в С.-Петербургу (1827 г.), факсимиле "Письма к Пушкину", а также оригинал одного из последних писем писателя к И.И.Барановскому [7].

Рукописи Н.Гоголя, которые хранились в дореволюционное время в библиотеке Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине, а в послереволюционное – в Нежинском институте народного образования, а затем в Нежинском педагогическом институте, согласно постановления наркома по образованию Д.Затонского были переданы в 1934 году в рукописный отдел Государственной публичной библиотеки УССР (ныне Институт рукописи Национальной библиотеки им. В.Вернадского НАН Украины).

В 1952 году в связи со 100-летием со дня смерти Гоголя сотрудником библиотеки И.В.Шубанским были описаны автографы Гоголя, которые хранились в рукописном отделе, в том числе и поступившие из Нежина, о чем свидетельствовали на них печати гоголевского музея и библиотеки Историко-филологического института кн.Безбородко, а также шифры библиотеки, номера и указания, что рукописи находились в рукописном отделе нежинской библиотеки. Кроме этого, на рукописях была сделана пометка "Акт 31, п. 47, 22.Х.34", которая повторялась на каждой рукописи и свидетельствовала, когда именно они были переданы в Киев. В связи с тем, что в то время из нежинской библиотеки были забраны и редкие книги, а также другие материалы (рукописи ученых историков и филологов), хотя работники института и библиотеки сопротивлялись, чтобы полностью не оголить ее уникальное собрание, однако значительная часть фондов была передана в библиотеки АН Украины и Киевского университета.

В "Описании автографов Н.В.Гоголя" (1952) значатся такие рукописи писателя из гоголевской коллекции:

10. Игроки и Театральный разъезд.

11. Мертвые души, т. I. Наброски к I тому.

12. Портрет.

13. Тарас Бульба. На л. 113 – черновой набросок к IX главе "Мертвых душ".

14. Тяжба и Лакейская.

В "Описи" указаны и письма Гоголя к Н.Прокоповичу и М.Максимовичу, о чем сказано в книге, но каждое из них представлено не в именной коллекции, а отдельно в хронологическом порядке с указанием адресата.

В разделе "Документы и другие материалы" значатся некоторые архивные источники, которые касаются учебы Гоголя в Гимназии высших наук кн.Безбородко в Нежине, изъятые из коллекции архива гимназии, связанной с подготовкой выставки к 50-летию со дня смерти писателя и хранившейся в Гоголевском музее института, о чем свидетельствует его печать:

1. Прошение Н.В.Гоголя о допущении его к экзамену для перевода в 4-е отделение по языкам [20 августа 1827 г.].

2. Показание Н.В.Гоголя во время допроса его в конференции в Нежинской гимназии по "Делу о вольнодумстве" [3 ноября 1827 г.].

3. Прошение на имя директора Нежинской гимназии Д.Э.Ясновского о выдаче Гоголю свидетельства об учении и поведении [10 октября 1828 г.].

4. Чертеж по полевой фортификации (1828).

5. Книга "Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя" (С.-Петербург, 1847) с дарственной надписью Гоголя семье Шевыревых: "Милому дому Шевыревых от их друга". Она сделана писателем на клочке бумаги, наклеенном на шмуцтитуле книги, которая была куплена для Историко-филологического института его директором Н.А.Лавровским вместе со всей библиотекой проф. С.П.Шевырева у его сына Бориса Степановича в 1876 г. [8].

Совсем недавно нами был обнаружен список 5 известных глав II тома "Мертвых душ" Н.Гоголя, который расположен на 153 пронумерованных листах размером 34x22 см, скрепленных вместе толстыми нитками в четырех местах. Возможно, что эта рукопись была в переплете, который по каким-то причинам утерян. Рукопись написана на листах, выпущенных фабрикой №4 Аристархова. Об этом на каждом листе свидетельствует выбитый и хорошо просматриваемый штамп.

На первом белом грязноватом от времени листе с пятнами от какого-то вещества имеются 2 надписи: в верхнем правом углу – Отъ, и ниже – подпись, а под ней год – 1851. Внизу листа посередине еще одна подпись другого лица. Все это необходимо уточнить и расшифровать. Более того, дата на титульном листе наталкивает на мысль: а был ли Гоголь знаком с этим списком второго тома поэмы?

К сожалению, рукопись пострадала. Верхняя часть левого угла была залита химическим веществом, которое разъело бумагу и образовало коричневое пятно. Бумага на нем частично осыпалась. Никаких печатей или других пометок на первом листе, как и на всем тексте списка, нет. Отсутствует последний лист рукописи.

По тексту имеются карандашные исправления слов. Список переписывался несколькими лицами, о чем свидетельствуют различные почерка.

Со второго листа с обеих его сторон аккуратным, разборчивым почерком переписан текст первой главы второго тома "Мертвых душ". Конец первой главы и вся вторая глава переписаны другим лицом, но также четким и хорошо читаемым почерком. Третья глава и часть четвертой переписаны несколько растянутым почерком с графически нечетким начертанием букв, поэтому текст трудно читать. Вторая часть четвертой и пятая главы переписаны еще одним лицом с хорошим почерком.

Как попал этот список в Нежин, трудно ныне сказать точно. Возможно, его подарил в библиотеку Юридического лицея Н.Гербель, так как на титульной странице имеется предположительно его автограф. У нас была надежда, что новонайденный список будет числиться среди книг и рукописей в библиотеке профессора Шевырева, приобретенной Историко-филологическим институтом кн.Безбородко. Однако в "Шевыревском каталоге" – "Документальный каталог книг библиотеки института кн.Безбородко (бывшей Шевырева)" (1877) этого списка нет. Возможно, он попал в Нежин каким-то другим путем, который необходимо еще выяснить.

Новонайденный список глав второго тома "Мертвых душ" нами был сопоставлен с текстами двух редакций, напечатанных в VII томе Полного собрания сочинений Н.Гоголя [9, далее ссылки даются в тексте на это издание] и совпадающих с публикацией глав второго тома поэмы, опубликованных П.Кулишом в 1857 г. [10], который в предисловии к изданию замечает: "Гоголь много раз принимался исправлять и переделывать свое сочинение. Для нас очень интересно знать, как Гоголь поправлял у себя то, чем он оставался некоторое время доволен, и

поэтому я решился напечатать второй том "Мертвых душ" в двояком виде: сперва так, как он был переписан набело рукой Гоголя, а потом (сколько было возможно) в том виде, в каком Гоголь желал представить его публике". В этом же виде эти главы и воспроизводятся в академическом издании 1951 года.

Сопоставление глав новонайденного списка и первоначальных глав и редакций академического издания дает нам право утверждать, что это комбинированный текст первого и последнего слоев опубликованных текстов с дополнениями и уточнениями, а также соответствующей правкой.

В примечаниях к академическому изданию говорится: "В Государственной библиотеке СССР им. В.И.Ленина, в Московском университете и в Институте украинской литературы Академии Наук УССР в Киеве имеется шесть рукописных списков с несохранившегося экземпляра копии, сделанной С.П.Шевыревым с автографа. Между текстом сохранившегося подлинника и рукописными копиями, а также первопечатным текстом имеются разночтения. Однако эти разночтения по своему характеру не могут свидетельствовать о том, что в распоряжении С.П.Шевырева имелся еще какой либо, не дошедший до нас первоисточник [Т. VII, с. 424].

В новонайденном списке присутствуют редакторские заметки о содержании пропущенных глав, о чем говорит в предисловии к первому изданию глав второго тома Н.П.Трушковский: "В августе 1851 года Гоголь прочел С.П.Шевыреву шесть глав совершенно оконченных к печати и седьмую почти готовую" [11]. Исходя из этого, авторы примечаний в академическом издании утверждают, что С.П.Шевырев лучше других знал содержание сожженной рукописи. "Ввиду этого имеет значение его редакторская заметка в конце второй главы в первом издании" [Т. VII, с. 424], а также в других местах.

Можно предположить, что новонайденный список и есть тот вариант рукописи, который послужил основой для первоначальной публикации глав второго тома "Мертвых душ". Но так ли это?

В чем же отличие новонайденного списка глав второго тома "Мертвых душ" от академического издания? Для сравнения нами был взят первый текст указанного академического издания (Т. VII, с. 7–127). Кроме разночтений отдельных слов, фраз, предложений, пунктуаций, которая почти отсутствует в списке рукописи, есть и принципиальное отличие: встречаются фрагменты, которые напечатаны в академическом издании, но их нет в списке, и наоборот. Некоторые из них обнаружены нами в раннем варианте глав, опубликованных также в академическом издании – стр. 131–270. Однако это не механическое соединение текста. Ново-

найденный список обработан, отредактирован, в него введены некоторые новые эпизоды, фразы, некоторые опущены, изменена форма прямой речи и т.п. Для примера наводим три варианта текста эпизода "Встреча Тентетникова с крестьянами своего имения":

I академический вариант

А между тем его ожидало другое зрелище. Узнавши о приезде барина, мужики собрались к крыльцу. Кички, повязки, повойники, сороки, зипуны и картинно-окладистые бороды красивого населения обступили его кругом. Когда раздались слова: "Кормилец наш! вспомнил..." и невольно заплакали старики и старухи, помнившие и его деда, и прадеда, не мог он сам удержаться от слёз. И думал он про себя: "Сколько любви! и за что? – За то, что я никогда не видал их, никогда не занимался ими!" И дал он себе обет разделить с ними труды и занятия. И стал он хозяйничать, распорядиться. Уменьшил барщину, убавив дни работ на помещика и прибавив времени мужику. Дурака-управителя выгнал. Сам стал входить во всё, показываться на полях, на гумне, на овинах, на мельницах, у пристани, при грузке и сплавке барок и плоскодонок, так что ленивые начинали даже почесываться. Но продолжалось это недолго (с. 19).

Ранний вариант

А между тем его ожидало другое зрелище. Узнавши о приезде барина, население всей деревни собралось к крыльцу. Пестрые платки, повязки, повойники, зипуны, бороды всех родов: заступом, лопатой и клином, рыжие, русые и белые, как серебро, покрыли всю площадь. Мужики загремели: "Кормилец, дождалась мы тебя". Бабы заголосили: "Золото, серебро ты сердечное!" Стоявшие подале даже подрались от усердия продраться. Дряблая старушонка, похожая на сушеную грушу, прошмыгнула промеж ног других, подступила к нему, всплеснула руками и

Новонайдённый вариант

А между тем в деревне ожидало его другое зрелище. Узнав о приезде барина, мужики и бабы собрались к крыльцу, как сороки, кички, повойники, зипуны, бороды всех родов: заступом, лопатой и клином, рыжие, русые и белые, как серебро, покрыли весь двор. Мужики загремели: "Кормилец, дождалась мы тебя!" Бабы заголосили: "Золото, серебро ты сердечное!" Стоявшие подале даже подрались от усердия пробраться. Дряхлая старушонка, похожая на сушеную грушу прошмыгнула промеж ног других, подступила к нему, всплеснула руками и взвизгнула:

взвизгнула: "Соплюнчик ты наш, да какой же ты жиденкой! Изморила тебя окаянная немчурра!" – "Пошла ты, баба", – закричали ей тут же бороды заступом, лопатой и клином. "Ишь куды полезла! корявая!" Кто-то приворотил к этому такое словцо, от которого один только русский мужик мог не засмеяться. Барин не выдержал и рассмеялся, но тем не менее он тронут был глубоко в душе своей. "Сколько любви! и за что? – думал он в себе. – За то, что никогда не видал их, никогда не занимался ими. Отныне же даю слово разделить с вами труды и занятия ваши. Употреблю всё, чтобы помочь вам сделаться тем, чем вы должны быть, чем вам назначила быть ваша добрая, в вас же самих заключенная природа ваша, чтобы не даром была любовь ваша ко мне, чтобы я, точно, был кормилец ваш!"

И действительно Тентетников не шутя принялся хозяйничать и распорядиться. Он увидел на месте, что приказчик был, точно, баба и дурак со всеми качествами дрянного приказчика, то есть вел аккуратно счет кур и яиц, пряжи и полотна, приносимых бабами, но не знал ни бельмеса в уборке хлеба и посевах, а в прибавленье ко все-

"Да какой же ты жиденкий! изморила тебя окаянная немчурра". "Пошла ты, баба", – закричали ей тут же бороды заступом, лопатой и клином. "Ишь куды полезла, корявая!" Кто-то приворотил к этому такое словцо, от которого один только русский мужик мог не смеяться. Барин не выдержал и рассмеялся, но тем не менее он тронут был в душе своей. "Сколько любви! и за что? – думал он про себя. – За то, что я никогда не видал их, никогда не занимался ими!" И дал он себе обет разделять с ними и труды, и занятия, и употребить все, чтобы помочь им сделаться тем, чем они должны быть, чем назначила им быть добрая, внутри их же самих заключенная природа, чтобы не даром была любовь их к нему, чтобы он точно был кормильцем их.

И стал он хозяйничать, распорядиться не на шутку. На месте увидел тотчас, что приказчик был баба и дурак, со всеми качествами дрянного приказчика, т.е. вел аккуратно счет кур и яиц, пряжи и полотна, приносимых бабами, но не знал ни бельмеса в уборке хлеба и посевах, а в прибавление ко всему подогревал мужиков в покушении на жизнь свою. Дурака приказчика он выгнал, а на место его выбрал другого, бойкого. Оставил мелочи, обратил внимание на главные части: уменьшил барщину, убавил дни

кого; оставил мелочи, обратил внимание на главные части, уменьшил барщину, убавил дни работ на себя, прибавил времени мужикам работать на них самих и думал, что теперь дела пойдут наотличнейшим порядком. Сам стал входить во все, показываться на полях, на гумне, в овинах, на мельницах, у пристани, при грузке и сплавке барок и плоскодонов. "Да он, вишь ты, востроногой!" – стали говорить мужики и даже почесывать в затылках, потому что от долговременного бабьего управления они все изрядно поизленились. Но это продолжалось недолго (с. 140).

работ на помещика и прибавил времени мужику. Сам стал входить во всё, показываться на полях, на гумне, в овинах, на мельницах, у пристани, при грузке и сплавке барок и плоскодонок. "Да он, вишь ты, востроногий!" – стали говорить мужики и даже обленившиеся начинали даже почесываться. Но продолжалось это недолго.

Как видим, в фрагменте академического текста Гоголь подчеркивает патриархальное, традиционное преклонение крестьян перед барином, а в новонайденном списке, как и в ранней рукописи, выделяется прежде всего грубость мужиков. Сопоставление трех вариантов текста дало возможность увидеть, что они не идентичны.

Довольно часто встречаются в вариантах текста по-разному произведенные близкие по содержанию фрагменты. В некоторых случаях они шире в академическом издании и уже в новонайденном списке, и наоборот. Например, в академическом тексте:

"Во ржи бьет перепел, в траве дергает дергун, над ним урчат и чиликают перелетающие коноплянки, блеет поднявшийся на воздух барашек, трелит жаворонок, исчезая в свете, и звонами труб отдается гурлыканье журавлей, строящих в треугольнике свои вереницы в небесах высоко, откликается вся в звуки превратившаяся окрестность" [Т. VII, с. 21].

В новонайденном списке: "Бьет перепел во ржи, дергает в траве дергун, урчат и чирикают перелетающие коноплянки, по невидимой воздушной лестнице сыплются трели жаворонков и звонами труб отдаленное гурлыканье журавлей, строящих треугольнички свои в небесах, и откликается вся в звуки превратившаяся окрестность".

В некоторых местах списка расширилось или углублялось описание действий, поступков персонажей, их состояние. Вот характеристика

Тентетникова во время встречи с Улинькой: в академическом тексте: "Точно то же случилось с нею и с Тентетниковым. Неизъяснимое новое чувство вошло к нему в душу. Скучная жизнь его на мгновение озарилась" [Т. VII, с. 24].

В новонайденном списке после последних слов академического текста идет новый текст: "Точно то же случилось с Тентетниковым, ему показалось с первого дня знакомства, что он был знаком с нею вечно. Неизъяснимое новое чувство вошло ему в душу. Скучная жизнь его на мгновенье озарилась, халат на время был оставлен. Не так долго копался он на кровати, не так долго стоял Михайло с рушником в руках, растворились окна в комнатах, и часто владетель картинного поместья долго ходил по темным излучинам своего сада, ему уже чуждого и останавливался по часам пред пленительными водами на отдалении".

Иногда в переработанном тексте появляется многочисленное количество деталей, которые расширяют описываемую обстановку, уточняют важные ситуации, помогающие раскрыть целеустремленность персонажей и т.п. Так, эпизод, представленный в академическом тексте, который связан со знакомством Чичикова с хозяйством Тентетникова, дан в кратком изложении: "Чичиков везде побывал. Перетолковал и переговорил и с приказчиком, и с мужиком, и мельником. Узнал все, обо всем, и что и как, и каким образом хозяйство идет, и думал внутренно: "Какая, однако же, скотина Тентетников! Какое имение и этак запустить. Можно бы иметь 50 тысяч годового доходу" [Т. VII, с. 31].

Этот же текст в новонайденном списке обилует многими деталями, которые характеризуют как бесхозяйственность Тентетникова, так и практичность Чичикова. Текст наполовину расширен, о чем свидетельствуют выделенные предложения: "Чичиков побывал везде, говорил и толковал и с приказчиком, и с мужиком, и с мельником. Узнал все, обо всем, и что и как, и каким образом идет хозяйство, и каких урожаев можно ожидать, и насколько продается хлеба, и что отбирают осенью за умол муки, и как зовут каждого мужика, и кто с кем в родстве, и где купил корову и чем кормит свинью, словом все. Узнал и то, сколько померло мужиков, — оказалось немного: как умный человек, заметил вдруг, что не завидно идет хозяйство у Андрея Ивановича. Повсюду упущения, нерадения, воровство, немало и пьянства. И мысленно он говорил сам себе: "Какая же, однако, скотина Тентетников! Запустил такое имение, которое могло бы приносить 50 тысяч годового дохода!" И не будучи в силах ударить справедливого негодования, повторял он: "решительная скотина"".

Обратим внимание на то, что во всем тексте глав второго тома "Мертвых душ" новонайденного списка слова типа: угощение, изумление, почтение, положение и т.п. заканчиваются на -ие, а в академическом тексте – на -ьи.

Текст второй главы, в котором повествуется о встрече Чичикова с генералом Бетрищевым, как и первой, обилует многими изменениями слов, уточнений, добавлений. В списке же имеется значительная вставка, которая дает возможность расширить характеристику Чичикова и разоблачить судейский чиновничий мир. В беседе с генералом Чичиков рассказывает поучительную историю. Это повествование отсутствует полностью в академическом тексте, которое идет в новонайденном списке после слов: "Обокрадет, обворует казну, да еще и, каналья, наград просит. Нельзя, говорит, без поощрения, трудился... Ха, ха, ха, ха!" [Т. VII, с. 42]:

"А изволили, Ваше превосходительство, слышать когда-нибудь о том, что такое полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит!" – сказал Чичиков, обратясь к генералу с улыбкой уже несколько плутоватой.

Нет не слыхал!

Симпатический анекдот, Ваше превосходительство. В имени, Ваше превосходительство, у князя Гунзаковского, которого без сомнения, Ваше превосходительство, изволите знать.

Не знаю.

Был управитель, Ваше превосходительство, из немцев, молодой человек. По случаю поставки рекрут и прочего, имел он надобность приезжать в город, водиться с судейскими ну и... сами изволите знать подмазывать им (Чичиков прищуря глаз, выразил в лице своем как подмазываются судейским). Впрочем и они угощали его, так что один раз, обедая у них, он говорил: "Что же господа, когда-нибудь и ко мне, в имение к князю! Те говорят приедем. В непродолжительном времени, Ваше превосходительство, случилось выехать суду на следствие по делу приключившемуся с владением графа Трехметьева, которого, Ваше превосходительство, без сомнения то же изволите знать.

Не знаю.

Самого то следствия они не сделали, а заворотили всем судом к графскому эконому, да три дня и три ночи, не переводя духу и прокозыряли в карты. Самовар и пунш, Ваше превосходительство, со стола не сходят. Старик то графскому уж они засели так сказать в горле (Чичиков показал себе на горло). Чтобы как нибудь от них отделаться он и

говорит: "Вы бы господа заехали к княжескому управляющему, немцу, он недалеко отсюда и вас ждет. А и в самом деле говорят он же нас и звал. И все это как было заспанное, небритое, на телеге да к немцу... А немец, Ваше превосходительство, только что женился. Женился на институтке молоденькой, субтильной (Чичиков выразил в лице своем субтильность). Находясь так сказать в медовом месяце, сидят они вроде двух ангельчиков за чаем. Вдруг отворяются двери и ввалилось сонмище.

Воображаю, хороши, сказал генерал, смеясь.

Немца так поразило, Ваше превосходительство, что потерялся совсем. Подходит к ним и говорит: что вам угодно? А говорят они, так вот ты как! Перемена декораций, другой оборот, другая речь: "За делом: сколько вина выкуривается при имении? Покажите книги. Тот туда-сюда, эй понятных. Взяли, связали да в город, Да полтора года и просидел немец в тюрьме.

Вот на! сказал генерал.

Улинька сплеснула руками.

Жена, Ваше превосходительство, хлопотать; но что ж может какая-нибудь неискушенная, так сказать, горнилом опыта, молодая женщина? Спасибо что – случились добрые люди, которые научили пойти на мировую. Отделался немец, Ваше превосходительство, двумя тысячами да угостительным обедом. Да уже за обедом, когда все уже того... и он также, говоря просто налимонились, они и говорят ему, вот видишь: погнушался нами! Ты все бы хотел видеть выбритых. Нет, ты полюби нас черненьких, а беленькими нас всякий полюбит.

Генерал расхохотался".

Сопоставление этого рассказа Чичикова о "черненьких и беленьких" дало возможность уточнить, что составитель текста не просто соединил две ныне существующих академические редакции, а использовал и варианты. Особенно это касается текста ранней редакции. После слов: "Воображаю, хороши!" – сказал генерал" и до слов "Генерал расхохотался" идет приведенный нами в новонайденном варианте текст, но не тот, что в ранней редакции (в первой редакции его нет совсем). Отсутствуют в ранней редакции и выделенные нами слова.

Еще одна отличительная особенность концовки II главы. В новонайденном списке есть текст, который отсутствует в обоих сравниваемых редакциях. Это слова создателя новонайденного нами текста, который сообщает о дальнейшем развитии действия: "Здесь пропущено примирение генерала Бетрищева с Тентетниковым, обед у генерала и беседа их о двенадцатом годе, помолвка Улиньки за

Тентетникова; молитва ее и плач на гробе матери, беседа помолвленных в саду, Чичиков отправляется по поручению генерала Бертищева к родственникам его для извещения о помолвке дочери, едет к одному из этих родственников полковнику Кошкареву".

Эти слова П.Кулиш в публикации второго тома "Мертвых душ" повторяет после окончания второй главы в обоих вариантах (с. 301 и с. 441–442) в качестве "Примечаний С.П.Шевырева". Таким образом, П.Кулиш знал о рукописи, написанной профессором С.П.Шевыревым.

Третья глава насыщена небольшими уточнениями в тексте, вариантами слов и предложений. Так, например, в академическом тексте в рассказе о распоряжении Петуха своему повару автор после слов: "И как заказывал! У мертвого бы родился аппетит" [Т. VII, с. 56] в новонайденном списке идет дополнение: "и губами подсасывал и причвякивал. Да подпарь, да дай взапреть хорошенько. А повар приговаривал тоненькой фистулой "слушаюсь! малина-с и так".

Казалось бы, на первый взгляд, небольшие уточнения, но они часто раскрывают или дополняют какую-то черту характера персонажа. Сравним два варианта текста, посвященные размышлению Костанжогло о человеколюбии.

В академическом тексте: "В человеколюбье пойдет – сделается Дон-Кишотом человеколюбья: настроит на миллион рублей bestолковейших больниц да заведений с колонками, разорится да и пустит всех по миру: вот тебе и человеколюбье" [Т. VII, с. 68].

В новонайденном списке: "В человеколюбие пойдет русский человек сделается и тут донкишотом. Человеколюбив построит на миллион bestолковых больниц да заведений с колоннами, разорится, да и пустит всех по миру. Вот тебе и человеколюбие. Дурачье, ослы. Рассердившись Костанжогло плюнул".

Как и в предыдущей главе, здесь также встречаем замечание переписчика о пропущенном тексте. После слов в академическом издании: "Позвольте, почтеннейший, вновь обратиться к предмету прекращенного разговора. Я спрашивал вас о том как быть как поступить, как лучше приняться..." [Т. VII, с. 70] в новонайденном списке обозначено в скобках: "Здесь в разговоре между Костанжогло и Чичиковым пропуск. Должно полагать, что Костанжогло предложил Чичикову приобрести покупного имения соседа его помещика Хлобуева".

В новонайденном списке нет таких обозначений, как "неразборчиво", что встречаем в академическом да и в раннем варианте текста. Ощущается, что он переписывался набело со всеми уточнениями и

редакторской правкой. Поэтому он в стилистическом отношении более точен.

Четвертая глава также отличается многообразием исправлений, уточнений, вариантов. Так, после описания земель Костанжогло идет характеристика поместья Хлобуева. В академическом тексте она дана в таком виде: "Все провожали леса в смешении с лугами. Ни одна травка не была здесь даром, все как в божьем мире, все казалось садом. Но <1 нрзб> неволью, когда началась земля Хлобуева: скотом объединенные кустарники на место лесов, тощая, едва подымавшаяся заглушенная куколем [рожь]. Наконец вот выглянули не обнесенные загородью ветхие избы и посреди их в черне каменный необитаемый дом. Крыши, видно, не на что было сде<лать>. Так он и остался покрытый сверху соломой и почернел. Хозяин жил в другом доме одноэтажном. Он выбежал к ним навстречу в старом сюртуке, растрепанный и <в> дырявых сапогах, заспанный и опустившийся, но было что-то доброе в лице. Обрадовался им как бог весть чему" [Т. VII, с. 79].

В ранней редакции этот текст совсем отсутствует. В новонайденном списке он дан в несколько иной интерпретации: "Как только они прекратились, все пошло иначе: хлеб жиденский, на место лесов пни. Деревенька, несмотря на красивое местоположение, показывала издали запущение. Новый каменный дом, необитаемый, оставшийся в черне, выглянул прежде всего, за ним другой обитаемый, но маленький и старенький. Хозяина нашли они растрепанного, заспанного, недавно проснувшегося. Ему было лет сорок. Галстук у него был повязан на сторону; на сюртуке была заплатка, на сапоге дырка. Приезду гостей он обрадовался, как бог весть чему".

Эти же слова находим в публикации П.Кулиша в варианте "исправленного вида" (с. 476), но не первого, ни второго текстов нет "в первоначальном виде". Но зато в тексте "исправленного вида" эти отрывки присутствуют оба. После приведенного выше текста: "Как только они прекратились, все пошло иначе..." идет ссылка на то, что в гоголевском оригинале рукописи, по свидетельству П.Кулиша, "с боку карандашом" дан полностью приведенный выше текст, начинающийся словами: "Все провожали леса в смешении с лугами" (с. 477).

В некоторых местах новонайденного списка текст по сравнению с академическим то суживался, концентрировался, наполнялся диалогом, то заменялся совершенно другим. Сравним два текста. Академический: "Так говоря, обошли они избы, потом проехали в коляске по лугам. Места

были бы хороши, если бы не были вырублены. Открылись виды: в стороне засинел бок возвыш<енностей> тех самых, где еще недавно был Чичиков. Но ни деревни Тентетникова, ни генерала Бетрищева нельзя было увидеть. Они были заслонены горами. Опустившись вниз к лугам, где был один только ивняк и низкий топольник, высокие деревья были срублены. Они навес<тили> плохую водяную мельницу, видели реку, по которой бы можно было сплавить, если б только было что сплавить. Изредка кое-где паслась тощая скотина. Обсмотревши, не вставая с коляски, они воротились снова <в> деревню, где встретили на улице мужика, который, почесав у себя рукою пониже <спины>, так зевнул, что перепугал даже старостиных индеек. Зевота была видна на всех строениях: крыши также зевали. Платонов, глядя на них, зевнул. Заплата на заплате. На одной избе вместо крыши лежали целиком ворота" [Т. VII, с. 84].

В новонайденном списке вместо этого текста вставлен следующий: "Но вот мы кажется и все осмотрели. Больше ничего нет. Хотите разве взглянуть на мельницу, впрочем в ней нет колес да и строение никуда не годится.

Что же и рассматривать, – сказал Чичиков.

В таком случае пойдем домой.

И они все направили шаги к дому. На возвратном пути были виды те же. Неопрятный беспорядок так и выказывал отовсюду безобразную свою наружность. Все было опущено и запущено. Сердитая баба в замасленной дерюге, прибила до полусмерти бедную девчонку и ругала на все бока всех чертей. Подальше два мужика глядели с полнейшим равнодушием на гнев бабы. Один чесал у себя пониже спины, другой зевал. Зевота видна была на строениях, которые также зевали. Платонов, глядя на них, зевнул.

Мое то будущее достояние, мужики, – подумал Чичиков, дыра на дыре и заплате на заплате! И точно на одной избе вместо крыши лежали целиком ворота; провалившиеся окна подперты были жердями, стащенными с господского амбара".

Этот текст, кроме выделенного, полностью повторяет ранний вариант, опубликованный в академическом издании [Т. VII, с. 214–215].

Некоторые тексты, напечатанные в академическом издании, в списке расширены. Так, например, в академическом издании текст: "Сделай мне такое одолжение, сказал он вдруг, обратясь <к Платонову>: "На будущей

неделе я даю обед всем сановникам в городе...", в новонайденном списке он совершенно изменен: "Бог с нею, может и успеет.

Дурак! Подумал Чичиков. Да я бы за такой тетушкой ухаживал, как нянька за ребенком.

Что ж, ведь этак разговаривать сухо! – сказал Хлобуев. – Эй Кирюша! принеси ка еще другую бутылку шампанского.

Нет, нет, я больше не буду пить, сказал Платонов.

Я так же сказал Чичиков и оба отказались они решительно.

Ну так, по крайней мере, дайте мне слово у меня побывать в городе 8 июня, я даю обед нашим городским сановникам.

Послушайте, вскрикнул Платонов, В таком случае разорившись совершенно, а еще обед?

Что же делать? Нельзя это долг сказал Хлобуев. Они меня так же угощали".

Этот текст почти полностью совпадает с ранней редакцией, напечатанной в академическом издании [Т. VII, с. 219].

Некоторые части текста в новонайденном списке переделывались до неузнаваемости, при этом усиливались конкретные размышления, в частности, о выгодности покупки Чичиковым имения Хлобуева, и здесь снова упоминаются мертвые души. В академическом варианте этот текст сокращался, а в списке углублялся и расширялся.

Сравним, как и прежде, два отрывка, которые подверглись коренным образом изменениям.

Текст академического издания:

"Как бы то ни было, но, очутившись вдруг после фантастического, настоящим, действительным владельцем уже не фантастического имения, он стал задумчив, и предложения и мысли стали степенней и давали невольное зачительное выражение лицу. "Терпенье! Труд! Вещь нетрудная: с ними я познакомился, так сказать, с пелен детских. Мне они не в новость. Но станет ли теперь, в эти годы, столько терпенья, сколько в молодости?" Как бы то ни было, он думал о том, как последуют (?) посевы, как он бросит все глупые затеи, как будет рано вставать по утрам, как до восхода солнца распорядится, как будет весело глядеть на это возрастанье и процветанье именья; как весело потом глядеть и на детей. "Право, это настоящая жизнь. Прав Костанжогло". И самое лицо Чичикова стало как бы становиться лучше от этих мыслей. Так уже одно помышление о законном <?> облагораживает человека. Но как всегда бывает с человеком, вдруг вслед за одной мыслью налетела противоположная. "А можно поступить даже и так", – подумал <Чичиков>: – что

сначала выпродав по частям лучшие земли, заложить потом именье в ломбард вместе с мерзавцами. Можно даже и самому улизнуть, не заплатив даже и Костанжогло. Старая мысль, не то, чтобы Чичиков возымел <ее>, но она вдруг, сама собой, предстала дразня, и усмехаясь, и прищуриваясь на него. Непотребница! Егоза! И кто творец этих вдруг набегающих мыслей? Словом, во всяком случае покупка была выгодна. Он почувствовал удовольствие, – удовольствие от того, что стал теперь помещиком – помещиком не фантастическим, но действительным, помещиком, у которого есть уже и земли, и угожья, и люди. Люди не мечтательные, в воображении пребываемые, но существующие. И понемногу начал он и подпрыгивать, и потирать себе руки, и подмигивать себе самому" [Т. VII, с. 89].

Текст в списке сконцентрирован на мысли Чичикова, что делать с приобретенным имением, а также самооценкой своей личности. С академическим текстом совпадают лишь выделенные слова.

"Как ни рассматривал он, на какую сторону оборачивал, видел, что во всяком случае покупка была выгодная. Можно было поступить так, чтобы заложить одних только мертвецов и беглых. Можно было поступить и так, чтобы прежде выпродать по частям все лучшие земли, а потом уже заложить в ломбард. Можно было распорядиться и так, чтобы заняться самому хозяйством и сделаться помещиком по образу Костанжогло, пользуясь его советами, как соседа и благодетеля. Можно было поступить даже и так, чтобы перепродать в частные руки имение (разумеется, если не захочется самому хозяйствовать), оставивши при себе беглых и мертвецов. Тогда представлялась и другая выгода: можно было вовсе улизнуть из этих мест и не заплатить Костанжогло денег, взятых у него займы. Странная мысль, не то, чтобы Чичиков возымел <ее>, но она вдруг, сама собой, предстала, дразня, и усмехаясь, и прищуриваясь на него. Непотребница! Егоза. Да и кто творец этих вдруг набегающих мыслей? Он почувствовал удовольствие от того, что стал теперь помещиком не фантастическим, но действительным, помещиком, у которого есть уже и земли, и угожья, и люди не мечтательные, не в воображении пребывающие, но существующие. И понемногу начал он и подпрыгивать, и потирать себе руки, и подмигивать себе самому и вытрубил на кулаке, как бы на трубе какой-то марш. И даже выговаривал вслух несколько поощрительных слов и названий себе самому в роде мордашки и каплунчика. Но потом, вспомнив, что он не один, притихнул, вдруг постарался кое как унять неумеренный порыв восторга и когда

Платонов, принявши кое какие из этих звуков на обращенную к нему речь, спросил у него: чего? Он отвечал: ничего".

Процитированный текст интересен тем, что здесь соединено несколько слоев сохранившихся вариантов. Сначала идет текст ранней рукописи со слов: "Как ни рассматривал он, на какую сторону оборачивал, видел, что во всяком случае покупка была выгодна" и заканчивая словами: "Тогда представлялась и другая выгода: можно было вовсе улизнуть из этих мест и не заплатить Костанжогло денег, взятых у него займы". В этом отрывке есть несколько разночтений с новонайденным текстом, в частности в написании фамилии Костанжогло, в ранней редакции он именуется то Попонжогло, то Скудронжогло.

Далее в новонайденном списке идет текст основной академической рукописи от слов: "Странная мысль, не то, чтобы Чичиков возымел..." и заканчивая: "И понемногу начал он и подпрыгивать, и потирать себе руки, и подмигивать себе самому". Он отсутствует в ранней рукописи. И завершает этот отрывок текст со слов: "И вытрубил на кулак, как бы на трубе какой-то марш..." и до конца абзаца: "Он отвечал: ничего", который присутствует только в новонайденном списке.

Трехслойность текста подтверждает еще раз, что новонайденный текст – это один из завершенных, ибо в нем учитываются ранее созданные тексты.

Завершается IV глава, как и предыдущая, замечанием составителя текста новонайденного списка, человек, который хорошо знал все главы II тома "Мертвых душ" Гоголя и мог утвердительно заявить: "Здесь пропуск: Чичиков улаживал дела между Леннициным и Платоновыми, потом едет к Хансаревой старухе и составляет фальшивое завещание".

В начале Заключительной главы новонайденного списка, в котором она значится V главой, есть три больших вставки, которые играют важную роль как в жизни Чичикова, так и всего последующего развития действия. Это прежде всего фрагмент, посвященный встречи Чичикова с юрисконсультom. Гоголь очень тонко раскрывает механизм использования бюрократического аппарата и делопроизводства для решения вопросов, выгодных чиновникам. Это не переделка какого-то варианта, а новый текст, дополняющий предыдущий. В новонайденном списке читаем: "Чичиков в персидском новом халате из золотистой термаламы, развалясь на диване, торговался с заезжим контрабандистом, купцом жидовского происхождения и немецкого выговора, и перед ним уже лежала купленная штука первейшего голландского полотна на рубашки и две бумажные коробки с отличнейшим мылом первостепеннейшего

свойства; это было мыло то самое, какое он некогда приобретал на Радзавиловской таможне. Оно было действительно первое по неопостижимому свойству сообщать нежность и белизну щекам изумительную. В то время, когда он как знаток покупал эти необходимые для воспитанного человека продукты, раздался гром подъехавшей кареты, отозвавшийся легким дрожанием комнатных окон и стен, и вошел его превосходительство Алексей Иванович Липицын.

На суд вашего превосходительства предоставляю каково полотно? и какое мыло? и какова эта вчерашнего дня купленная вещица?

При этом Чичиков надел на голову ермолку и вышитую золотом и бусами и очутился как персидский шах, исполненный достоинства и величия. Но его превосходительство, не отвечая на вопросы, сказал с озабоченным видом: "Мне нужно с вами поговорить о деле".

В лице заметны были и озабоченность и расстройство. Почтенный купец немецкого выговора был тот же час выслан и они остались одни".

После этих слов идет довольно большой текст, которого нет в первом академическом, но присутствует в раннем варианте с некоторыми изменениями, уточнениями и стилистической правкой. Он начинается словами: "Знаете ли вы, какая неприятность! Отыскалось другое завещание старухи..." и заканчивается: "Каких цветов пожелаете иметь, спросил купец, все так приятно колеблясь на двух опершихся в стол руках" [Т. VII, с. 230–235].

Через несколько страниц в Заключительной главе первого варианта вновь появляются большие текстовые вставки из ранней редакции, которые переходят в новонайденный список. Так, на стр. 100 текст от слов "И вдруг увидел входящего Муразова. "Ах, боже, Афанасий Васильевич. Как здоровье ваше?" и до слов "Вас жду, Семен Семенович", сказал Муразов", который составляет несколько маленьких абзацев, заменен большим расширенным текстом в ранней рукописи [Т. VII, с. 236–238] и введен в новонайденный список с некоторыми уточнениями и изменениями. Здесь появляется новый персонаж Вышнепопрамов. Интересны размышления Хлобуева о возможном использовании 10 миллионов.

В новонайденном списке рассказ о миллионщике Иване Потаповиче совпадает в несколько усовершенствованном виде с текстом, который дан в ранней редакции, хотя в первом варианте он идет в несколько иной интерпретации. В этом случае Гоголь сохраняет лишь основную мысль описанного в разных редакциях эпизода.

В тексте V заключительной главы новонайденного списка обнаружена еще одна своеобразная особенность, которая ранее не встречалась:

это наличие описания одного и того же эпизода в двух вариантах и помещение их в тексте один за другим.

Так, эпизод о предложении Муразова Хлобуеву поехать по городам и самим собирать деньги на строительство храма с благородной целью: спасение души своей, нравственное возрождение, воспроизводимый в первой редакции академического издания, повторяется в несколько измененном виде в новонайденном списке. Однако в конце текста после слов: "Повинуюсь вам и принимаю не иначе, как за указание божие". "Господи, благослови", сказал он внутренне и почувствовал, что бодрость и сила стала проникать к нему в душу. Самый ум его как бы стал пробуждаться надеждой на исход из своего печальнонеисходного положения. Свет стал мерцать вдали..." [Т. VII, с. 104–105] составитель новонайденного списка в скобках замечает: "Тот же самый рассказ, но в виде более пространным. Предыдущий, как видно, был сокращением последующего". И далее идет измененный частично текст, который находим в ранней рукописи. Он совершенно изменяет целевую установку того дела, которое поручает Муразов Хлобуеву. Кроме денег, которые Хлобуеву необходимо собрать на строительство церкви, он должен также выявлять всех тех, кто недоволен властью, подстрекает к бунту, т.е. следить за неблагонадежными, а затем докладывать об этом генерал-губернатору. Это даст возможность доносителю Хлобуеву занять более выгодное место по службе. Как видим, Гоголь совершенно меняет основу благородного дела, которая ранее была связана нравственным усовершенствованием человека, в частности, Хлобуева.

Зачем понадобилось составителю давать одновременно два текстовых эпизода, трудно сказать. Но сам по себе эксперимент интересен.

В представленном нами читателям новонайденном списке мы обратили внимание лишь на самые большие изменения текста в сравнении с академическим. Но и они дают возможность представить, как шел авторский поиск развития действия, характеристики не только Чичикова, но и новых персонажей, которые появляются в поэме.

Новый список выдвигает ряд вопросов, на которые необходимо ответить, в частности, какое место он занимает среди других текстовых вариантов. Карандашные исправления слов в списке даются в таком же написании, что и в опубликованном академическом тексте. Но в последнем нет приведенных нами выше отрывков, и наоборот, в нем, как мы указывали выше, есть такие места, которых нет в новонайденном списке.

Завершая сопоставительную работу новонайденного списка с опубликованными главами академического издания, а также двумя текстами второго тома "Мертвых душ" в издании П.Кулиша, мы пришли к выводу, что новонайденный список отличается от всех других своей полнотой и отредактированностью текста и может служить основой для нового издания Полного собрания сочинений Гоголя. Дата на титульном листе новонайденного списка – 1851 г. – дает право предполагать, что с ним мог быть знаком сам автор поэмы.

Литература

1. Самойленко Г.В., Самойленко О.Г. Ніжинська вища школа: сторінки історії. – Ніжин, 2005; Самойленко Г. Николай Гоголь и Нежин. – Нежин, 2008.

2. Известия Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине. – 1882. – Т. VII. – С. 1–82. В этом же томе С.И.Пономарев опубликовал библиографическую статью "Памяти Гоголя. Материалы для библиографии литературы о нем" (с. 1–60).

3. Петухов Е.В. Заметки о некоторых рукописях, хранящихся в библиотеке Историко-филологического института кн. Безбородко. – К., 1895. – 56 с.

4. Сперанский М.Н. Описание рукописей библиотеки Историко-Филологического института кн. Безбородко в Нежине. – 1900. – Т. 18. – С. 1–143; 1901. – Т. 19. – С. I–VIII; 1–39; 1904. – Т. 21. – С. 3–28; 1906. – Т. 22. – С. I–II; 1–40; Рукописное собрание библиотеки Безбородко в Нежине. Приобретения 1901–1903 гг. – Нежин, 1903. – 28 с.

5. Петухов Е.В. Письма Н.В.Гоголя к Н.Я.Прокоповичу (1832–1850) // Известия Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине. – 1895. – Т. 15. – С. I–VI, 1–60.

6. Сперанский М.Н. Рукописное собрание библиотеки Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. Приобретения 1904–1905 гг. – Нежин, 1905. – 40 с.

7. Гоголевский сборник, изданный состоящей при Историко-филологическом институте князя Безбородко гоголевской комиссией / Под ред. М.Сперанского. – К., 1902. – 445 с.

8. Библиотека С.П.Шевырева. Русский фонд Библиографическое описание. – Нежин: НГПУ, 2002. – 226 с.

9. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. – Т. 7: Мертвые души. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1951. – 434 с.

10. [Гоголь Н.В.] Похождения Чичикова, или Мертвые души: Поэма. – Т. 2 // Сочинения и письма Гоголя: В 6 т. – Т. IV / Изд П.Кулиша. – СПб., 1857. – С. 257–552.

11. Сочинения Н.В.Гоголя, найденные после его смерти. Похождения Чичикова, или Мертвые души: Поэма. – Т. 2. – М., 1855.